

_____ политика _
_____ экономика _
_____ права человека _
_____ религия _
_____ экология _

В номере:

- 1** **Вялотекущая эмансипация**
Валентина Касымбекова
- 2** **К нам приехал, к нам приехал...**
Мурад Айтаков
- 4** **Быть мужчиной труднее...**
Светлана Гафарова
- 6** **Неуживающий принцип...**
Нафиса Захидова
- 7** **Халявщики или партнеры?**
Мария Горохова
- 8** **Чьи вы, СМИ?**
Эльмира Токтогулова

Геополитический «Хизб ут-Тахрир»?

Олег Панфилов

В минувший вторник российские агентства, прежде всего «Интерфакс» и РИА «Новости» распространили сообщение о том, что «Хизб ут-Тахрир» критикует власти Таджикистана за сговор с «неверными».

По существу, это чуть ли не единственные заявления, которые приписываются «Хизб ут-Тахрир», чья деятельность в Таджикистане запрещена Верховным судом республики в апреле 2001 года. В тексте дается оценка геополитическим поступкам официального Душанбе. Удивляет и «сенсационность»: текст заявлений, как сообщают агентства, был распространен посредством электронной почты.

Действительно, сенсация: ведь в представлении многих, если верить официальной пропаганде, «хизбуттахрировцы» — некие безобразного вида существа, с длинными бородами, алчными глазами и толстыми пальцами. Даже удивительно, как это можно такими пальцами работать на клавиатуре компьютера, чтобы распространить сообщения. Лишь любознательные знают, что на самом деле «Хизб ут-Тахрир» — организация, легально существующая в нескольких европейских странах, а если набрать в www.google.com ее название, то получите результат активного обсуждения в мусульманском сообществе ее деятельности.

Но то — в Европе, в странах Центральной Азии власти посчитали «Хизб ут-Тахрир» экстремистской организацией, запретили ее деятельность.
Окончание читайте на стр. 5

Вялотекущая эмансипация

Валентина Касымбекова (Душанбе)

18 июля президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмонов в беседе с лицами, назначенными на руководящие посты, заявил, что одними из приоритетных направлений кадровой политики государства являются подготовка молодых кадров и привлечение женщин и девушек к ответственному государственному и общественным делам. Из двенадцати человек, которые были им назначены на руководящие должности, семь — это женщины, что является свидетельством роста статуса женщины в обществе. И это не первый шаг президента в этом направлении.

Конституция Таджикистана провозглашает равенство мужчин и женщин, но в реальности женщины имеют ограниченные возможности для реализации своих прав по сравнению с мужчинами. В период резкой смены общественной формации в начале 90-х годов, сопровождавшейся военными событиями гражданской войны, когда в спорах за власть, выгодные должности или владение имуществом решающее значение имела грубая военная сила, женщины оказались вытесненными из многих сфер общественной жизни. Резко сокра-

тилось их трудовое участие, представительность в органах управления и политике, и, соответственно, резко снизился общественный статус женщины, ее участие в управлении государством. Стали возрождаться патриархальные традиции, в том числе религиозные взгляды, осуждающие публичную жизнь женщин, и предлагающие женщине место только у домашнего очага, воспитание детей и работу только в пределах своей семьи.

«Как только сломалась партийно-государственная машина подбора кадров, в которой предусматривалась 30%-ная квота для женщин на государственных должностях — началось активное вытеснение женщин с должностей всех уровней. Причем это наблюдалось даже на среднем уровне, на должностях, которые традиционно занимали женщины, ведающие вопросами культуры, здравоохранения, семьи», — говорит депутат парламента Таджикистана Галия Рабиева.

Ценный для страны специалист, женщина, ранее успешно работавшая технологом на одном из крупнейших винзаводов страны, и имеющая, кроме официальной зарплаты, большие нелегальные доходы, осталась безработной в

годы гражданской войны. «Ко мне в кабинет пришли незнакомые люди с автоматом, и спокойно предложили уйти с работы. Я поняла, что это — реальная опасность, и выполнила их требования», — рассказывает она. Несмотря на то, что обстановка сейчас значительно улучшилась, ей так и не удалось найти работу по специальности, и она уже 12 лет занимается мелкой торговлей на рынке Душанбе.

Для изменения сложившейся ситуации понадобилось вмешательство президента страны, Эмомали Рахмонова, издавшего в декабре 1999 года специальный Указ, в соответствии с которым обязательным стало назначение женщин на должность одного из заместителей руководителей министерств, госкомитетов, областей, городов и районов, поселков, органов суда и прокуратуры, вузов, ведомств, учреждений и других структур.

Галия Рабиева, работавшая в 1992 — 2005 годах старшим советником президента по кадровой политике, рассказала: «После издания Указа президента нашей работой было спускать директивы, чтобы женщин стали назначать директорами школ, председателями колхозов, заместителями...»
Окончание читайте на стр. 3

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

К нам приехал, к нам приехал... Уго Чавес, дорогой!!!

Мурад Айтakov (Ашгабат)

Турне Уго Чавеса в Беларусь, Россию, Иран и далее, Махмуда Ахмадинежада в Туркменистан, Афганистан и Таджикистан почти совпали во времени. Но вояжеры все же пересеклись в Иране, где Чавес за подвиги на антиамериканском фронте, был награжден иранскими властями званием Героя Ирана.

Как маршрут визитов, так и их наполнение не вызывают ни у кого удивления. Антиамериканизм как примат государственной политики вояжеров и контактеров, вроде бы, должен объяснить все. Или почти все. Многословные рассуждения о необходимости создания «Антиимпериалистического фронта», «Антиимпериалистического пакта» плавно перетекают в осуждение «вмешательства во внутренние дела», «цветных революций» и прочих европейских и американских выдумок. И если идеи создания «Антиимпериалистического фронта» были встречены пониманием только во время визита Чавеса в Иран, то наполнение термина «вмешательство во внутренние дела» по Чавесу, встретило всеобщее понимание по всем пунктам его турне.

«Я приехал, чтобы заключить пакт о единстве. Единным фронтом народы Венесуэлы и Белоруссии должны встать на защиту прав человека. У нас общий враг — гегемонистские интересы мирового капитала, поработившего Европу и Латинскую Америку. Мы чувствуем себя среди друзей и братьев. Мы хотим, чтобы нас никто не мог обмануть и колонизировать», — заявил Чавес в Беларуси.

Ожидать какой-то иной реакции, кроме одобрения от президента Беларуси не было смысла, и он сам подтвердил это через несколько дней после отъезда друга Уго, рассказав всему миру: «То, что раньше называли «одной шестой частью суши», стало площадкой самой интенсивной глобальной борьбы — за энергоресурсы, военное присутствие и влияние. Борьба эта ведется фактически без правил». Вот только интересно, какие правила имел в виду Александр Лукашенко? И о защите каких прав человека и от кого, Уго Чавес не уточнил.

А что же Россия? Контракт в 3 миллиарда (страшно подумать, американских!) долларов на покупку Венесуэлой самолетов и «калашей»? Вроде бы: «бизнес и ничего личного», как сейчас принято у российских властей...

Но вот что странно: именно к тому же времени (визиту Чавеса) была приурочена общественная обкатка одного из терминов новой национальной идеи для России — «суверенная демократия». И что это такое затрудняются внятно объяснить даже те люди, которые этот термин

изобрели. Хотя первыми были не они, а... Туркменбаши, который отдельным законом ввел нечто подобное в конституцию своего государства и довел идею «национальной» демократии до полного абсурда в виде статуса «постоянного позитивного нейтралитета».

Кстати, о Туркменбаши. Он в эти же дни принимал Ахмадинежада. А месяцем раньше разоблачил целую подпольную группу шпионов и наймитов «специальных разведывательных центров» («Оазис писал об этом в одном из своих последних номеров»). И совершенно неспроста во время визита президента Ирана в Туркменистан оба лидера продекларировали:

Из совместного коммюнике: «...Туркменистан поддерживает активную и позитивную роль Исламской Республики Иран и направления ее внешней политики в решении международных вопросов в целях укрепления мира, стабильности и спокойствия... Исламская Республика Иран еще раз поддерживает статус нейтралитета Туркменистана и позитивно оценивает направление внешней политики Туркменистана по укреплению спокойствия, стабильности и мира».

И тут снова возникают вопросы: О какой «активной позитивной роли» Ирана «в целях укрепления мира» говорит Туркменбаши? Уж не об отказе ли тегеранского режима сотрудничать с МАГАТЭ и ООН по своей ядерной программе? Или о призывах стереть другое государство с карты мира? А сам Туркменбаши вносит посильный вклад в дело мира, спокойствия и стабильности путем обвинений в подрывной деятельности и шпионаже других государств и международных организаций?

Все эти клоунские эскапады замешаны не только, да и не столько на антиамериканизме и антиимпериализме, сколько на желании отгородиться забором «суверенных», «национальных» и прочих демократий от всего остального мира, полностью развязав себе руки для борьбы с оппонентами, для удержания собственной власти. «Наш поезд в огне...» — этот парадокс во всю эксплуатируется Чавесом, Лукашенко, Туркменбаши, Ахмадинежадом. И набор врагов-поджигателей примерно один и тот же — «империалисты» и их наймиты из числа местных «оппортунистов», в число которых всегда попадают диссиденты, правозащитники, журналисты.

Риторика всех фигурантов отсылает нас к 93-му году, когда была принята Бангкокская Декларация, провозгласившая отрицание универсализма прав человека со ссылкой на некие «национальные особенности». Многие наблюдатели еще тогда отметили странное сочетание основных инцидентов принятия этой Декларации: свирепый антикоммунист генерал Сухар-

то — президент Индонезии, главы коммунистического Китая и исламистского Ирана. И что интересно, все эти лидеры в течение года после подписания Декларации посетили Туркменистан. И, тогда еще президент Сапармурад Ниязов, сразу же взял на вооружение всю терминологию «национальной» демократии. Но теперь все едут к Туркменбаши Великому за советами и уроками по построению такой демократии. И Ахмадинежад, и всебелорусский Батька, свой первый визит за пределы страны в Туркменистан совершил и Виктор Ющенко, демократично избранный президент Украины, да и президент Владимир Путин был там сразу после избрания (на первый срок).

Национальная демократия теперь востребована. Вот только Уго Чавес промахнулся.

И что же дальше? А то, что права человека становятся «внутренним делом» «необангкокцев». Вся риторика США и остальных стран Запада сосредоточена на нефтяных и газовых аспектах собственной безопасности. И что интересно, им нет дела до обычных граждан Венесуэлы, Туркменистана, Ирана и Беларуси. Они также беспринципны, как и лидеры упомянутых стран. Увы, и об этом будем писать позднее.

И в Иране все также будут казнить несовершеннолетних преступников, а остальных — публично; сажать в тюрьму за обладание спутниковой антенной. И в Туркменистане все также будут сажать за встречу с иностранными журналистами, и родственников их и всех тех, кто посмел не донести про все это и про многое другое. В Беларуси до публичных казней дело пока не дошло, но всех несогласных прячут в белорусский «зندان» или списывают на «пропавших без вести». А в Венесуэле около половины дееспособного населения страны марширует с российскими «калашами» в руках. А в самой России...

P.S. По данным организации State of World Liberty, одними из самых несвободных стран мира признаны Туркмения, Беларусь и Узбекистан. Из 159 государств, которые были исследованы, они заняли места в рейтинге со 154 по 156. Всех их наверняка обрадует, что есть последний в списке — Северная Корея.

P.P.S. Исследование предполагало единую шкалу расчета по трем показателям — уровень экономической свободы, уровень личной свободы и величина налогов.

При составлении рейтинга учитывались индекс свободы правозащитной организации Freedom House, индекс свободы прессы организации «Репортеры без границ», индексы экономической свободы фонда Heritage и институты Fraser и Cato. ●

ТЕМА НОМЕРА: ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вялотекущая эмансипация

Окончание. Начало читайте на стр. 1

тителами председателей районов. Мы ломали сложившиеся традиции и ежегодно спрашивали отчет об исполнении этих директив».

После этого Указа, женщин число в составе органов власти всех уровней увеличилось в среднем от 8% до 14%. И все же, больших существенных изменений в ситуации не произошло: сейчас в стране нет ни одного женщины-министра. Для достижения фактического равноправия женщинам необходимо преодолеть целый ряд экономических, социальных, религиозных, культурных и иных барьеров. И если соотношение полов представляет почти паритет: мужчин — 50,3%, женщин — 49,7%, то в сфере занятости наблюдается все углубляющийся гендерный дисбаланс участия женщин в общественной жизни, и в частности, в политике.

Это мнение поддерживает ассистент Центра ОБСЕ в Душанбе по гендерным вопросам Дилором Хайдарова. «В нашем обществе доминируют стереотипы, которые представляют женщину только как мать, жену, хозяйку дома. И зачастую женщина, образованная, имеющая необходимый опыт работы и лидерские способности, становится перед выбором, который ей предлагает муж, а иногда и вся его родня: карьера или семья. И в таких ситуациях женщина почти всегда выбирает семью, — считает она. И это действительно так, ведь на таджикском языке слово «бева» (одинокая женщина) имеет оттенок уничижительности, подразумеваемая отрицательные качества характера или физические недостатки, вследствие чего она не была «взята» замуж или получила развод. И поэтому одинокая женщина в таджикском обществе ощущает непреходящий дискомфорт, и предпочитает душевное спокойствие интересной работе.

Жительница поселка Вахш Бохтарского района, бывшая учительница, а ныне работающая на своем участке земли, Гульдаста Каримова, считает, что женщины рвутся к власти только из-за того, что там они будут иметь большие деньги и легкую, и далеко не всегда безупречную жизнь. «Я не буду голосовать за женщин, для меня лично они ничего хорошего не сделают», — говорит она. Примерно такие же суждения высказывают и многие другие сельские жительницы, которые составляют большинство в аграрном Таджикистане.

По данным Комитета по делам женщин и семьи, на сегодняшний день в Таджикистане всего 15% ответственных правительственных постов занимают женщины. Причем у них есть своя сфера — 24% женщин составляют госслужащие, большая часть женщин — 58% задействованы в сфере здравоохранения, спорта и социальной защиты.

Становление многопартийной системы в Таджикистане совпало с гражданской войной, и участие женщин в этом процессе было незначительным из-за опасностей, грозивших в то время. На выборах 2000 года число женщин-кандидатов по одномандатным округам составляло чуть более 10% от их общего числа, и не было ни одной партии, возглавляемой женщиной.

На прошедших в феврале 2005 года парламентских выборах также было заметно, что не все политические партии представляют женщинам и мужчинам равные шансы для доступа в мир политики. По одномандатным округам из 150 выдвинутых кандидатов женщин было всего 10, то есть их число снизилось до 6,7%.

Одной из причин такой пассивности женщин в процессе выборов явилась сложность с регистрацией, особенно для женщин, выступающих от оппозиционных партий.

Руководитель НПО «Традиции и современность» Маргарита Хегай, утверждает, что лишь половине потенциальных кандидатов удалось выдвинуть свои кандидатуры.

Правозащитника Файзиниссо Вохидова рассказала, что в прошлом году, в период парламентских выборов, при регистрации ее кандидатуры от Социал-демократической партии Таджикистана избирательная комиссия Бободжонгафуровского района Согдийской области, создала ей препятствия, из-за якобы недобросовестно заполненной ею декларации об имуществе. Машина, которой владеет ее супруг, стала причиной отказа регистрации Вохидовой в качестве кандидата в депутаты в парламент. А затем на нее было заведено уголовное дело, и Вохидова оказалась в СИЗО, где провела 5 месяцев, в течение которых длился судебный процесс.

Далеко не каждая женщина готова выдержать такие испытания на пути к политической карьере. Однако Вохидова считает, что подверглась дискриминации не по признаку пола, а по принадлежности к партии, которая считается оппози-

ционной правящей партии президента — Народно-демократической партии.

Второй причиной ослабления женского лидерства стало неверие в успех. По социологическим исследованиям НПО «Традиции и современность» среди женщин, потенциальных кандидатов в выборные органы, более половины хотели бы выдвинуть свою кандидатуру в местный парламент. Но около 12% женщин считают свое участие в выборах бесперспективным, ссылаясь на негативный опыт прошлых лет. 23% не были уверены в своих силах, а также поддержке избирателей и не имеют хорошей команды.

Если в выборах 2000 года наибольшеего успеха достигли женщины, которых выдвинули политические партии, то в 2005 году от них ни одна женщина не вошла в парламент.

Формально заявив женщин в партийных списках, очевидно, для демонстрации своих передовых взглядов, их поставили на низкие позиции, лишив, таким образом, возможности попасть в состав парламента. Так, в списке Компартии женщины находились на 7 позиции, Исламской партии — на 10-ой, а Социал-демократической — на 5. И только в списке правящей партии женщине было отведено одно лидирующее, третье место. Соответственно и среди вошедших в состав нового парламента оказались только женщины из правящей партии президента.

В новом составе парламента количество женщин значительно увеличилось, достигнув 17%. В составе парламента 2000 — 2005 гг. было 11% женщин, но им удалось лоббировать интересы женщин. Депутат Рано Самиева, инициатор Закона «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностей их реализации» рассказала, что при разработке этого закона ей пришлось выдержать сильнейшую критику мужской части парламента и его продвижение давалось с большим трудом. Мужчины прямо заявляли ей, что женщины должны сидеть дома, и слушаться своего мужа, а не ходить на работу. Проект закона дважды возвращали на доработку, и только через четыре года, в самом конце завершения срока работы парламента, проект все-таки был утвержден. Но ей не удалось провести в этом законе существовавшую ранее 30% квоту, и депутаты верхней палаты назвали закон «чисто декларативным», который практически ничего не изменит в жизни женщин. ○

ТЕМА НОМЕРА: ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Быть мужчиной труднее...

Светлана Гафарова (Ош)

Ровно десять лет назад Кыргызстан приступил к разработке реальной программы по гендерному равновесию. Была принята стратегия в отношении достижения целей равенства между мужчинами и женщинами, учрежден Национальный совет по гендерной политике при администрации президента, зарегистрировано около двухсот женских неправительственных организаций, ими и международными организациями проведено большое количество семинаров и тренингов по гендерным проблемам. И, наконец, венцом всей этой работы стал Закон республики «Об основах государственных гарантий обеспечения гендерного равенства», подписанный главой государства 12 марта 2003 года.

Казалось бы, в стране сделано все, чтобы приблизиться к гендерному паритету во всех сферах жизни. Увы, этого не случилось. Не удалось побороть нежелание кыргызстанских мужчин включиться в процесс по гендерному выравниванию. Не уяснены мужские роли и обязанности в совместном продвижении к миру гендерного равенства.

— Главная ошибка заключалась в том, что все попытки по достижению равенства оказались направленными исключительно на женщин, как если бы только на них лежала ответственность за приспособление к образу жизни и мышлению мужчин. — поделился руководителем молодежного общественного объединения «Голден гол» в Оше Алишер Мамажанов. — В итоге значительная часть мужского населения республики оказалась в своеобразной изоляции от гендера, слабо представляя себе, чего, собственно, добиваются женские движения и организации и что означает это слово.

Утвердить в этом мнении позволило исследование, проводившееся молодежным объединением в течение двух месяцев в трех южных областях республики. 154 респондентам-мужчинам предлагалось ответить на 17 вопросов, касающихся гендерной проблематики. Итоги оказались шокирующими: 98,6% мужчин не имели представления о гендерном законодательстве Кыргызстана, 1,4% опрошенных слышали, но не знали содержания статей. Почти все признались, что впервые услышали о существовании закона о гендерном равенстве.

— На первый семинар, который проводили эксперты шведской компании Sprangbradan, был приглашен сугубо мужской коллектив, которому предстояло определить свою роль в вопросах решения гендерных проблем, — вспоминает один из участников Дамир Исмаилов, — Исходной позицией слушателей семинара в отношении гендерных про-

блем вообще и женского социального активизма, в частности, было неприятие, варьирующееся от непонимания («зачем им это надо?») до открытой агрессии. Агрессия против «феминисток», которые, по нашему мнению, пытаются внушить женщинам недовольство своим положением, заставить их принять «мужские ценности» и побудить участвовать в «крысиных бегах», конкурируя друг с другом и с мужчинами за социальное признание, успех и власть. Некоторые темы, предложенные для обсуждения, вызывали у нас раздражение, беспокойство, сомнения, но, в конечном счете, по мере перехода от одной проблемы к другой появлялось желание узнать и понять больше.

Наиболее активная часть участников того, первого семинара в Оше, организовала общественное объединение «Брат», пока единственную в республике мужскую организацию, занимающуюся гендерными вопросами, и представляющую сегодня Кыргызстан в мужской сетевой организации, в которую входят также представители Швеции, Литвы, Украины и Казахстана.

— Приоритетные направления сети — просветительская работа среди мужчин, гендерный анализ ролей женщин и мужчин в обществе, их поступков в сложных ситуациях, стратегии выживания и использования имеющихся ресурсов, — говорит руководитель кыргызстанской сети Алишер Мамажанов. — На основе материалов о позитивной роли мужчин намечено выработать модель того, каким образом они могут способствовать продвижению роли женщин дома, в обществе, на рынке труда. К примеру, многие мужчины участвуют в борьбе с сексуальным насилием, борются за мирное сосуществование и понимают, что это требует изменения восприятия стереотипов мужественности и пересмотра гендерных ролей. Представители «сильного пола» также выступают в качестве ролевых моделей и учителей, демонстрируя мальчикам и молодым людям на собственных примерах и поступках, как мужчине удержаться от насилия и оказывать позитивное воздействие на всех людей, вне зависимости от пола. Мы намерены выявить и использовать эти «альтернативные» голоса и через мальчиков и мужчин вовлечь их друзей и знакомых в обсуждение и решение гендерных вопросов.

Зацикливание на мужских вопросах — это повторение ошибок женских движений, акцентировавших внимание только на проблемах своего пола, но не на гендерных. Поэтому мы наметили многие программы осуществлять в сотрудничестве с женскими организациями.

— Пять лет назад нами был разработан курс по гендерной тематике, его мы

первыми на юге начали читать на факультетах Ошского госуниверситета, — говорит Канышай Нурдинова, руководитель гендерного центра при вузе. — Занятия строили в форме диалогов, оживленных дискуссий, в которых, я заметила, ребята сначала занимали пассивную позицию, большей частью отмалчиваясь.

Думаю, что барьером для участия в обсуждении поднимаемых проблем служило сомнение ребят в том, как к ним отнесутся оппоненты, страх быть раскритикованными в мужской компании. Ведь мужчины очень боятся насмешек со стороны представителей своего пола.

Упускался из виду и такой существенный момент: мужчины тоже испытывают дискриминацию, оказываясь один на один со своими проблемами, оборачивающимися высоким уровнем смертности по сравнению с «женскими» показателями, сокращением жизненного пути. Согласно статистике, средняя продолжительность жизни мужчин в Кыргызстане составляет 65 лет, что на 7,6 лет меньше, чем у женщин, при этом коэффициент самоубийств в 4 раза выше. На первом месте среди причин, вызывающих суицидальные попытки среди мужчин, называются сегодня стрессовые состояния, вызванные ощущением невозможности найти выход из экономического тупика и кризиса социальных ролей.

— Сегодня традиционная мужская роль переживает сильнейший кризис, так как социальные изменения, происходящие в современном обществе, требуют пересмотра гендерных ролей и стереотипов, — считает Бермет Тугельбаева, доцент Кыргызско-Российского славянского университета. — Гендерная роль мужчины оказывается подорванной экономически и социально-психологически, а идеальные представления о «мужском поведении» практически не изменились. В результате такого гендерно-ролевого конфликта мужская роль становится источником тревоги и напряжения из-за того, что некоторые ее аспекты дисфункциональны и противоречивы. В этой связи у многих мужчин в современных условиях происходит накопление отрицательных стрессовых переживаний — тревожность, депрессия.

И если в подобной ситуации женщины ищут разнообразные пути выхода эмоций, то мужчины предпочитают не демонстрировать своих чувств открыто. Следование широко распространенному мифу о том, что они лучше справляются со стрессом, чем женщины, что мужчинам не свойственна эмоциональная несдержанность, оборачивается саморазрушительным поведением — увлечением алкоголем, азартными играми, насилием и т. д.

Геополитический «Хизб ут-Тахрир»?

Окончание. Начало читайте на стр. 1

ность, а местные СМИ регулярно сообщают об арестах и судах над ее активными членами. Стоит только отметить одну существенную деталь — «хизбуттахрировцев» судят за пропаганду идей, за листовки, за литературу, за влияние на умы. В решении о запрете Верховного суда РФ встречается такая фраза: «воинствующая исламистская пропаганда».

Пока что в сообщениях СМИ, связанных с деятельностью «Хизб ут-Тахрир», говорилось об основной идее — создание Халифата в рамках Центральной Азии. То ли стеснялись приводить другие идеи, то ли не понимали, что «Хизб ут-Тахрир» не региональная организация и уж если речь и идет о Халифате, то всемирном, а никак не только в рамках бывших советских республик.

Впрочем, официальная контрпропаганда в СМИ всегда отличалась своей нелепостью. Например, на сайте «Огни Мангышлака» в июне этого года было размещено письмо Духовного управления мусульман Казахстана, в котором на полном серьезе приводятся следующие «несоответствия» идей «Хизб ут-Тахрир», противоречащие фикхам (законам) шариата:

- отрицание наказания во время хождения покойного в могиле;
- разрешается рассматривать изображения обнаженных (порнография);
- люди на Северном полюсе могут не читать намаз и не держать уразу (пост);
- не мусульмане (кафиры) и женщины могут быть членами данной партии;
- не мусульманин может возглавлять мусульманскую страну и т.д.

Или, к примеру, эксперт узбекского информационно-аналитического центра «Политика» Шарофиддин Тулаганов, в конце прошлого года заявивший корреспонденту ИА REGNUM, что «Хизб ут-Тахрир» пользуется «мощной информационной поддержкой, основанной на живой информации, которая была оказана представителями британских СМИ: Би-би-си, Рейтер и Института освещения войны и мира».

Во как! И в качестве доказательств этому Тулаганов сообщает, что «позже британские политики, пользуясь председательством в ЕС, стали инициаторами введения санкций и эмбарго на поставку оружия в Узбекистан». По его мнению, «теперь же британский Фонд экологической справедливости (Environmental Justice Foundation), подготовив ангажированный псевдоанализ, призывает европейские страны отказаться от импорта узбекского хлопка».

Однако, в отличие от узбекских чиновников таджикское МВД вынуждено ста-

вить под сомнение подлинность распространенных в Интернете писем «Хизб ут-Тахрир», поскольку эта организация замахнулась на святая святых — геополитические отношения Таджикистана и «политику официального Душанбе».

В первом сообщении «Хизб ут-Тахрир» критикует правительство Таджикистана за передачу России узла оптико-космического слежения «Окно» близ таджикского города Нурек. «Комплекс «Окно» является собственностью мусульман, поэтому его продажа или передача в другие руки является нарушением их прав, в частности, говорит о плане усиления геополитических и военных позиций неверных в Центральной Азии», — утверждает в сообщении, цитируемым «Интерфаксом».

Во втором сообщении «Хизб ут-Тахрир» обвиняет ШОС, постоянными членами которой являются Казахстан, Кыргызстан, Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан, в попытке ущемления прав мусульман. Индия, Иран, Монголия и Пакистан остаются пока странами-наблюдателями при ШОС, основными целями которой объявлены борьба с проявлениями экстремизма и терроризма и развитие экономического сотрудничества. «ШОС наравне с США преследует свои корыстные цели в Центральной Азии. Россия и Китай в рамках ШОС пытаются предотвратить пробуждение ислама в Центральной Азии и китайском городе Синьцзян, что направлено против мусульман», — говорится во втором письме.

«Интерфакс» приводит данные Генеральной прокуратуры Таджикистана, согласно которым в 2005 году в отношении 99 человек — членов экстремистских партий в республике было возбуждено 74 уголовных дела, что на 2% превышает уровень 2004 года. В течение нынешнего года в Таджикистане были задержаны 42 активиста религиозных экстремистских организаций.

Трудно ставить под сомнение существование самой организации, поскольку я встречал как бывших, так и нынешних членов «Хизб ут-Тахрир», но удивительно содержание писем, которые, в отличие от уже известных, подвергают сомнению самого главного геополитического партнера Таджикистана и стран Центральной Азии — Россию.

Совпадение это или нет, но мне эта история напомнила сообщения российских агентств о находке планов «Боинга» в чеченских пещерах сразу же после 11 сентября 2001 года. А еще раньше — такая же сенсационная находка плана атомной подводной лодки в тех же чеченских пещерах сразу же после катастрофы АПЛ «Курск».

И ведь заметьте, эти «документы» были найдены не на территории Палестины или Южного Ливана, а именно в Чечне. И ХАМАС или «Хезболла» тут абсолютно ни при чем. Потому что они — российские геополитические друзья. А кто является врагом других геополитических друзей в Центральной Азии? Правильно, — «Хизб ут-Тахрир». И против кого пишет «Хизб ут-Тахрир» в своих письмах, разосланных по электронной почте? Правильно, — против России.

Я отказываюсь далее строить свои предположения, но в этой истории мне подозрительными кажутся два обстоятельства: слишком свободный Интернет в Таджикистане и появление главного врага ШОС — «Хизб ут-Тахрир». То есть, объектом критики выступают не беззубые политики и аналитики, боящиеся говорить о том, что ШОС — никому не нужная геополитическая структура, не способствующая ни развитию экономики, ни продвижению демократии, а организация «Хизб ут-Тахрир», которую сделали пугалом для населения.

Можно предположить, что за этим могут последовать такие действия: власти Таджикистана начинают контролировать Интернет, а на территории республики проводятся фольклорные фестивали под лозунгами «Хизб ут-Тахриру не разрушить вечную дружбу с Россией!». И в том, и в другом случае для «Хизб ут-Тахрир» начнется новая волна преследований, но в выигрыше будут те, кто не сомневается в «экстремистской» сущности Интернета. Найти бы еще автора этих посланий.

Но, как водится со времен поджога рейхстага в 1933 году, главное не в уничтожении противников, а в пропагандистской поддержке. До этого времени казалось, что борьба с «Хизб ут-Тахрир» напоминала борьбу с чеченскими сепаратистами, когда генерал Шабалкин, обеспечивая пропагандистскую основу этой борьбы, сочинял обоснование для продолжения военных операций. Он говорил об отравленной водке, которую чеченские исламисты готовили для спаивания солдат и офицеров российской армии, о том, как чеченцы сами взрывали свои дома.

Вряд ли «Хизб ут-Тахрир» нуждается в защите или в поддержке: если эта организация нарушает закон, то должна отвечать, но нелепость пропаганды сводит к нулю исполнение законов. Противников деятельности ШОС, как представляется, намного больше, чем сторонников «Хизб ут-Тахрир». Может быть, стоит тогда всех объявить врагами? Пока же результат пропаганды получается как в русской поговорке: «Не так страшен черт, как его малюют».

ТЕМА НОМЕРА: ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Неуживающий принцип равенства

Нафиса Захидова (Карши)

После распада СССР Узбекистан, дабы не оказаться изгоем, был вынужден искать пути решения целой группы проблем связанных с необходимостью построения демократического государства и самостоятельной экономики, преодоления наследия плановой административной системы и трудности перехода на рыночные отношения.

Трудности переходного периода естественным образом сказались на экономической активности женщин, их участии в политической и общественной жизни. Здесь стоит отметить, что ухудшение экономического благосостояния женщин в Узбекистане обусловлено не только общей экономической ситуацией, но и снижением их экономической активности, усилением зависимости социального статуса женщин от возрождающихся религиозных и традиционных взглядов на роль женщин в семье и обществе.

Учитывая всю тонкость и сложность этого процесса, правительство Узбекистана решило вернуться к протекционистской политике в отношении женщин. Был принят ряд актов повышающих роль женщин в общественной и политической жизни страны. Таким образом, у женщин появилась возможность занять гарантированный процент мест (30%) в парламенте страны. В данный момент число женщин в Нижней Палате составляет 17,5%, в Сенате — 15%. По данным International Parliamentary Union женщины в политике, в настоящее время Узбекистан находится на 51-м месте среди стран мира по количеству женщин, представленных в национальных парламентах.

В исполнительной власти представлено 3,4% женщин. Заместитель премьер-министра по вопросам женщин одновременно является председателем Комитета женщин — одной из первых крупных общественных организаций, созданных в 1991 году постановлением правительства. Председатели комитетов женщин на местах одновременно являются заместителями хокимов (руководителей) соответствующих областей или районов, городов. В органах судебной власти Узбекистана женщины представлены относительно больше, чем в других ветвях власти — 22,7%. В органах законодательной и представительной власти 12,3%, в исполнительных органах власти 15,3%.

Однако сегодня ясно, что только участие женщин в административных органах не может обеспечить повышения интереса общественности к проблемам женщин. По мнению специалистов, более

важным в данном отношении является доля женщин, занимающих высокие должности и участвующих в принятии государственных решений в правительстве и парламенте. С этой точки зрения, считают специалисты, роль женщин в Узбекистане остается не главной, поскольку они в большинстве случаев занимают не самые значимые посты. То есть в любом случае статус женщин в обществе фактически остаётся неизменным. Именно это обстоятельство приводит к тому, что они имеют меньше экономической власти и возможностей.

Существующий дисбаланс возможностей в верхах имеет свое продолжение и среди простых людей. Например, ни для кого сегодня не секрет, что оплата женского труда ниже мужской (в Узбекистане женщины получают заработную плату, составляющую в среднем 80% от заработной платы мужчин). Это ведет к ограничению возможностей женщин в сфере самообразования и развития личности. С другой стороны, не всегда женщины имеют право распоряжаться своей заработной платой и решения о том, как использовать свои доходы большинство женщин принимают совместно с мужьями или другими родственниками. Здесь уместно остановиться и на проблеме трудоустройства. Процент женщин получивших официальный статус безработных составляет сегодня 58-60%. Основная часть безработных женщин живут в сельской местности. Проблемы трудоустройства женщин на селе и на некоторых слабо развитых областях страны связана с отсутствием у женщин практических и теоретических знаний. Как свидетельствуют статистические данные, соотношение количества мужчин и женщин, обучающихся в различных видах образовательных учреждений непропорционально. Например, соотношение между учащимися начальных и средних классов школы: мальчики 51%, девочки 49%. Соотношение между учащимися в системе высшего образования: мужчины 61%, женщины 39%.

Устоявшиеся стереотипы мышления, семейные традиции и экономические факторы в определенной мере ограничивают доступ женщин к образованию. Так, многие семьи уделяют больше внимания и средств на образование мальчиков, так как, считают, что мужчина — основной добытчик семьи и именно ему важнее получить образование и профессию.

Кстати о стереотипах и вековых традициях. Узбекское общество очень богато традициями и обычаями, которые играют положительную роль в моральном, этическом и культурном развитии его

членов и в сплочении нации в целом. Однако некоторые обычаи и обряды регламентируют жизнь общества и определяют нормы поведения, степень вмешательства в личную жизнь каждого. Обычаи и требования их соблюдения ставят в особенности женщину в подчиненное положение. Воспитание девочек в семье в духе покорности старшим и мужу до сих пор сохранилось, особенно сильно это выражено на селе. Хотя можно сказать что, традиционное воспитание девочек в покорности мужу в последнее время стало терять свою актуальность. В обществе можно встретить моменты, связанные с доминированием женского мнения, хотя сказать, что оно приветствуется нельзя.

Из приведенных выше показателей можно сделать вывод, что даже при использовании протекционистской политики в отношении женщин, проблема гендерного равенства остаётся весьма актуальной. Судя по всему узбекское общество ещё не готово к принятию политики гендерного равенства. Для того чтобы выяснить причину не восприятия местным населением идеи гендерного равенства необходимо обратиться к истории.

По утверждениям специалистов, в первую очередь это связано с религиозными традициями. Социальное положение женщин мусульманок в Средней Азии и образ жизни в досоветское время формировалась на основе принципов шариата, что приводило к изоляции женщин от общественной жизни. Идеологическое и культурное преобразование региона в советское время осуществлялось насильственными методами, под лозунгами строительства новой жизни и борьбы против устоев патриархального теократического общества.

Однако сохранялась и глубинная власть традиций, освящаемых религией. Процесс эмансипации, инспирированный сверху, не смог вовлечь в него женщин из всех слоев общества и сделать его необратимым. Советская система создала женскую номенклатуру, но она не смогла преодолеть традиционного отношения к женщине. Можно сказать что, советский стиль создания женской номенклатуры, был активно продолжен в дни независимости. Это особенно заметно в настоящее время. И потому возникли некоторые неудобства, так как азиатскому мужчине очень трудно оставаться под властью женщины, да и женщине не всегда удается правильно использовать свою власть. Таким образом, в стране сохраняется нервозное отношение к гендерному равенству, как со стороны сильного, так и слабого полов. ○

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

НПО в Казахстане: халявчики или партнеры?

Мария Горохова (Алматы)

Закон Республики Казахстан от 16 января 2001 года «О некоммерческих организациях» определяет, что «некоммерческой организацией признается юридическое лицо, не имеющее в качестве основной цели извлечение дохода и не распределяющее полученный чистый доход между участниками». Согласно действующему в республике законодательству, к неправительственным организациям в строгом смысле слова не относятся профсоюзы, религиозные объединения и политические партии. Их деятельность регулируется отдельными законами.

Казахстанские НПО занимаются решением самых различных проблем — от высадки зеленых насаждений до написания альтернативных учебных пособий. Сфера их интересов — это экология, работа с детьми и молодежью, защита интересов социально уязвимых групп населения, создание кризисных центров и телефонов доверия, участие в законотворчестве. Например, в г.Павлодаре, на севере республики, на протяжении уже семи лет работает единственный в Казахстане негосударственный хоспис, созданный на базе неправительственной организации «Солярис».

Самыми первыми в конце 80-х гг. прошлого века в Казахстане начали возникать экологические организации — «Зеленый фронт», «Зеленое спасение», движение «Невада — Семипалатинск». Постепенно сфера деятельности неправительственных организаций расширялась, захватывая такие области, как образование, защита прав человека, борьба с насилием против женщин, пропаганда здорового образа жизни.

По данным из разных источников, в Казахстане в настоящее время действуют от 3500 до 5000 общественных объединений, деятельностью которых охвачено свыше 2 млн. граждан. Конечно, далеко не все из них являются реально и эффективно работающими. Казахстанские НПО достаточно неравномерно распределены по регионам. Наибольшее количество общественных организаций функционирует в г. Алматы и Астана (около 35% от общего числа всех казахстанских НПО). Традиционно активными являются неправительственные организации Восточно-Казахстанской, Павлодарской и Карагандинской областей.

Всех, кто сталкивается с деятельностью неправительственных организаций, обычно сразу же интересует вопрос об источниках финансирования этих струк-

тур. Коротко говоря — на какие деньги существуют НПО в Казахстане? Как правило, финансирование местных неправительственных организаций осуществляется зарубежными фондами и международными организациями.

Взаимоотношения государства и НПО — вопрос сам по себе небезынтересный. В настоящее время официальная политика государства в отношении неправительственных организаций направлена на признание их в качестве равноправных участников общественного процесса. В 2002 г. в стране была принята Концепция государственной поддержки неправительственных организаций, главной целью которой является «формирование новой модели социальных отношений в проведении социальной политики в Республике Казахстан».

Событием в отношениях между государством и неправительственными организациями стало подписание президентом в апреле 2005 г. Закона «О государственном социальном заказе», который позволил создать правовую основу для широкого участия неправительственных организаций республики в реализации социально значимых проектов за счет госбюджета.

Но такое, на первый взгляд, беспроblemное положение дел существовало не всегда. И по сей день отношения государства с неправительственными организациями продолжают находиться в стадии взаимной притирки друг к другу. У одних организаций уже налажено неплохое взаимодействие с государством, наработан положительный опыт совместной деятельности с госструктурами. А другие уверены, что диалог с государством в принципе невозможен. Очень многое здесь зависит и от политики, проводимой государственными чиновниками на местах. В любом случае, следует отметить факт постепенного признания государством значимости неправительственных организаций, необходимости их работы по решению тех проблем, до которых у государства часто не доходят руки.

Взаимоотношения государства с неправительственными организациями складывались не за один день, и прошли в своем развитии несколько этапов. На заре становления третьего сектора Казахстана, в конце 80-х — начале 90-х гг. госчиновники очень скептически относились к возможностям неправительственных организаций. Сам термин «неправительственные» вызывал у них однозначно негативную реакцию: «Раз неправительственные, значит — против правительства!». Многие казахстанские неправительственные организации, веду-

щие свою историю с того периода, живут по двойной хронологии: т.е. даты своего фактического создания и даты официальной регистрации в органах государственной власти, получить которую в те времена было очень непросто.

Постепенно, год за годом к представителям государственной власти стало приходить осознание того, что в условиях большого количества имеющихся в республике социальных проблем будет неплохо, если в их решении будут принимать участие и сами граждане через создание организаций, призванных защищать их интересы. В июне 1991 г. вступил в действие первый казахстанский Закон «Об общественных объединениях», который, несомненно, внес свою положительную лепту в укрепление казахстанского третьего сектора, узаконив, по существу, создание свободных объединений граждан на добровольных началах.

Следующим периодом в развитии взаимоотношений НПО и государства стала систематизация государственной законодательной базы в отношении принципов функционирования неправительственных организаций. В январе 2001 г. был принят Закон «О некоммерческих организациях», и регулирующий, в настоящее время, деятельность неправительственных объединений республики.

Важным этапом в укреплении наметившегося позитивного диалога между неправительственными организациями и госструктурами стало проведение в октябре 2003 года первого в истории Казахстана Гражданского форума. Участие в этом масштабном мероприятии приняли около 200 делегатов от НПО из всех областей республики, а также гг. Астаны и Алматы. Они были выбраны для поездки на форум на областных и городских конференциях НПО.

Давая оценку прошедшего Форума, представители НПО были неоднозначны. Спектр мнений здесь колебался от оптимистичных выводов о том, что государство, наконец-то, признало НПО в качестве полноправных участников общественно-политического процесса в республике до тревожной констатации факта, что государство до сих пор не склонно рассматривать НПО в качестве своих полноправных союзников и партнеров. Сама процедура выборов делегатов на форум, по отзывам ее участников, не всегда была демократична. Также по разному можно оценивать и результаты форума, итогом которого стало довольно нейтральное и не к чему особенно не обязывающее обращение участников к третьему сектору страны. ●

ИНТЕРВЬЮ

Чьи вы, СМИ?

«Осталась прежняя схема деления на провластные и так называемые "опозиционные" СМИ...»

На вопросы нашего корреспондента отвечает директор фонда «Развития медиаконсалтинга в Центральной Азии» Эльмира Токтогулова.

Могли бы Вы в двух словах описать сегодняшнее состояние свободы слова в СМИ Кыргызстана? Уровень развития СМИ в Кыргызстане на сегодня?

Есть несколько показателей состояния свободы слова, которые демонстрируют, что в Кыргызстане есть проблемы: уголовное наказание за клевету, высокий уровень самоцензуры журналистов и владельцев средств массовой информации (СМИ), государственная собственность на ряд СМИ, вмешательство в их работу госорганов и косвенно — зависимость судов в делах в отношении СМИ. Эти проблемы требуют активной работы по совершенствованию норм закона и изменению практики функционирования информационных структур.

С другой стороны, свобода слова предполагает высокую ответственность СМИ за каждый факт, каждое слово — все должно быть достоверно и точно сказано, картина события показана с учетом всех мнений и позиций. Этого местным СМИ не хватает. Причина этого не всегда в том, что СМИ не знают, как профессионально работать. Их профессиональный уровень за последние годы значительно вырос, но это касается в основном центральных прессы, радио и ТВ.

Свобода же слова частично присутствует, но требует закрепления в законодательстве и на практике.

Я недавно побывала с коллегами в США, где у нас были неоднократные дискуссии — Что означает свобода слова на практике? У них есть совершенно ясные ответы: нет уголовной ответственности за клевету; государство никогда и никаким образом не вмешивается в дела СМИ; содержание СМИ определяют их владельцы и аудитория, вернее, ее вкусы, интересы и предпочтения, а не президент или госсекретарь; суды, будучи беспристрастными, склоняются к защите прав СМИ, нежели их оппонентов. Суд там никогда не вынесет решение о требовании к проигравшему журналисту выплатить миллионные суммы компенсации, если знает, что таких денег у того нет. Решение суда позволит журналисту продолжить

работу. С другой стороны журналист, сознательно допустивший халатность в работе, клевету, искаживший факты, если это будет доказано, станет своего рода изгоем в журналистском сообществе. Это другая сторона медали — высокий уровень профессионализма как гарантия честного и правильного использования свободы слова.

Как Вы думаете, подпишет ли президент закон об общественном телевидении, принятый парламентом?

Скажем так — подписав этот закон, президент сделал бы очень конструктивный шаг для общества, в сторону развития демократии. Но я могу предполагать, что на фоне процессов и тенденций в сфере СМИ в России и Казахстане, данный закон в Кыргызстане может быть и не подписан. И дело здесь не в личности нынешнего президента. Многие политики в Кыргызстане понимают, что в нынешнем состоянии страна нуждается в более жестком управлении — демократия у нас переходит в анархию. Но авторитаризм не популярен, поэтому открыто об этом никто никогда не скажет. Но с другой стороны, любой, кто сейчас метит себя на место у руля страны, понимает, что общественное телевидение будет ему как кость в горле. Поэтому их расчет такой — самый крупный (и значит самый влиятельный) телеканал в стране должен контролироваться, иначе власть станет прозрачна для общества, а это равнозначно концу власти.

В чем преимущества или недостатки данного закона?

Думаю, проблема никогда не заключается в законах, а в том, как они исполняются. В каждом законе есть плюсы и минусы — важно, в конце концов, то, что изменится в общественной жизни после подписания (или наоборот) этого закона. Цель — изменить качество программ КТР таким образом, что они отвечали потребностям аудитории, ее ожиданиям и интересам. Сможет или нет руководство и коллектив КТР это сделать? Чем им поможет в этом новый закон?

Я считаю, что в любом случае, подпишет или не подпишет президент данный закон, надо реформировать КТР, даже если он останется в формате госканала. Люди не могут ждать годами, они хотят

смотреть качественные, интересные, информативные передачи сегодня и каждый день. Подписание закона, конечно, дало бы больше возможностей для реформирования канала в плане введения общественного контроля в структуру управления КТР, но, как сказано было выше — для этого слишком много политических препятствий.

Вообще нужно ли общественное ТВ? Может в нынешних условиях в нем нет необходимости?

Нужно и не одно. Я бы хотела смотреть местные версии каналов Культура, Дискавери, Евроньюс, то есть разные и интересные программы без рекламы — почему бы нет? Государство должно финансировать общественные каналы, но и самим каналам можно будет привлекать частные фонды. В Кыргызстане формируется средний класс, который уже начинает понимать, что такое инвестирование в социальные проекты. Пусть таких людей еще не так много, но надо делать первые шаги.

Сейчас часто сравнивают развитие ситуации в любом направлении до и после 24 марта 2005 года. Как вы думаете, что изменилось в кыргызстанских СМИ после 24 марта, а что нет?

Политическая система прежняя, поэтому особых изменений в сфере СМИ я не вижу. Осталась прежняя схема деления на провластные и так называемые «опозиционные» СМИ, осталась схема «сливов» и «джинсы» в СМИ, осталась схема 100% зависимости редакционной политики от хозяев СМИ, то есть СМИ у нас остались мощным инструментом влияния на общественно-политические процессы и события со стороны финансово-политических групп. Про смену курса некоторых СМИ, хозяев и т. д. не говорю, это не суть важно, кто где был и кто где сейчас. Принципы функционирования СМИ остались те же. Один важный момент — усиливается концентрация активных игроков на информационном поле в одних руках, то есть реализуется схема России и Казахстана, когда все медиа ресурсы находятся под жестким контролем одной или нескольких групп. ○

Распрашивал Алмаз Калет